

005015308

Лысова Наталья Александровна

**ЖЕНЩИНА В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ:
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ**

24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

12 МАЯ 2012

Челябинск - 2012

Работа выполнена на кафедре культурологии и социологии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Челябинская государственная академия культуры и искусств»

Научный руководитель кандидат педагогических наук, доцент
Соковиков Сергей Степанович

Официальные оппоненты **Кардапольцева Валентина Николаевна,**
доктор культурологии, профессор, Уральский
государственный горный университет, заведующий кафедрой художественного
проектирования и теории творчества

Лазарева Людмила Николаевна,
кандидат педагогических наук, профессор, Челябинская государственная
академия культуры и искусств, профессор кафедры режиссуры
театрализованных представлений и празднеств

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Южно-Уральский государственный
университет» (национальный исследовательский университет)

Защита состоится «23» марта 2012 г. в 13 час. 00 мин. на заседании
объединенного совета ДМ 210.020.01 по защите докторских и кандидатских
диссертаций по специальностям 09.00.13 и 24.00.01, созданного на базе
Челябинской государственной академии культуры и искусств, 454091, г.
Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, ауд. 206 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Челябинской
государственной академии культуры и искусств.

Автореферат разослан 23 февраля 2012 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат культурологии, доцент

Тарасова Юлия Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социокультурные трансформации, как неизбежный процесс исторического развития общества, приводят к кардинальным изменениям характера функционирования различных аспектов культуры: ее духовной составляющей, ценностно-нормативных основ, переосмыслению ее символического содержания, переопределению форм и способов трансляции и коммуникации, отношения власти в рамках социокультурных институтов. Изменения бытия общества обуславливают ряд принципиальных преобразований в сфере гендерной культуры.

Традиционно рассматриваемые в рамках бинарных оппозиций понятия маскулинного и феминного, символически воплощающиеся в культурных текстах, в том числе и в праздничной культуре, интерпретировались как иерархические.

В реалиях современной жизни наблюдается тенденция к трансформации генетически укорененной в социокультурном бытии общества дихотомии “маскулинное” – “феминное”. Новое время создает собственные идеализированные представления о феминности и маскулинности, диктует иное понимание гендерных ролей, формирует иные стереотипы мужского и женского гендера, а также особые способы и формы их экспектации в пространстве культуры.

В последние десятилетия гуманитарной мыслью активно разрабатывается идея эгалитарного принципа равенства полов в их функциональном и полоролевом аспектах. Суть принципа заключается в устранении барьеров, препятствующих индивиду в его личностной самореализации во всех сферах жизнедеятельности, предполагая замену традиционных патриархальных отношений между полами отношениями, основанными на реализации одного из главных принципов феминизма: “равенство в различии”. Подобного рода изменения неизбежно влекут за собой переоценку, переосмысление ценностно-нормативного аспекта гендерной культуры, смещение эталонной шкалы маскулинности и феминности и полоролевых функций гендера в сторону

постепенной элиминации из культурной и социальной практик дифференцирующего принципа, что приводит к существенной трансформации образно-символического воплощения феминности в праздничной культуре. Сегодняшнее состояние гендерной культуры актуализирует социальный заказ на культурологические исследования феномена женского гендера, его историко-генетической укорененности в природе культуры и исторической трансформации в конкретных социокультурных условиях.

Актуальность избранной темы базируется на значительно возросшем интересе к проблемам гендера, в частности к вопросам феминности и к объективной социокультурной значимости женского гендера в жизни общества. Являясь предметом тщательного изучения различных областей научного знания, женский гендер не нашел полной разработки в контексте праздничной культуры. Между тем, динамика изменений в области гендерной культуры, в частности существенных преобразований женского гендера, обусловила динамику трансформаций гендерных традиций праздничной культуры (в их женской ипостаси). Праздничная культура, детерминированная системой культурных ценностей, существует как особого рода ответ на важнейшие процессы и явления повседневной жизни. Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью культурологического анализа представленности женского гендера в праздничной культуре, воплощающей его культурно-генетические основания и социокультурные трансформации.

Степень научной разработанности темы.

Поскольку исследование носит обобщающий (синтетический) и отчасти междисциплинарный характер, следует обратить внимание на разработанность означенной проблемы в различных областях научного знания.

Первая группа источников объединила исследования отечественных и зарубежных авторов по вопросам праздников и праздничной культуры. Многоаспектность содержания рассматриваемых феноменов культуры отражает степень их изученности. При этом основное внимание уделяется, как правило, этнокультурным, фольклорным, культурологическим,

антропологическим, искусствоведческим, социальным, историческим аспектам праздника и праздничной культуры.

Теоретическое осмысление праздника как общественного института, отражающего уклад жизни, сферу идеалов и традиций, в контексте социокультурного анализа предпринято в трудах А. В. Бенифанда, К. Жигульского, Д. М. Угриновича, Н. А. Миненко и др. Анализ праздника как художественного явления в контексте эволюционных процессов представлен работами К. Жигульского, А. И. Мазаева, А. Ф. Некрыловой, Б. А. Рыбакова, О. Л. Орлова и др. Комплексный подход к изучению феномена праздника представлен в контексте исследования праздничного хронотопа М. М. Бахтиным.

Глубинные связи языческих, народных и церковных празднеств, их мифологические основания, а также фольклорное содержание праздничной культуры раскрывают работы Ф. И. Буслаева, И. М. Снегирева, А. Н. Афанасьева, В. Я. Проппа, А. Н. Веселовского, А. В. Терещенко и пр.

В рамках нашей проблематики представляются наиболее актуальными исследования этнокультурной специфики праздника, нашедшие отражение в работах С. А. Токарева, В. Тернера, Д. Д. Фрезера, Т. А. Бернштам, А. Л. Топоркова.

Существенный исследовательский интерес для нас представляет ряд источников, рассматривающих праздник с точки зрения концентрации в нем национальных традиций, обрядов и обычаев, это, прежде всего, труды Т. Я. Бернштам, А. К. Байбурина, М. М. Громыко, Г. А. Носовой, А. Л. Топоркова и пр. В своей работе мы опирались на труды ученых-славяноведов: Л. Нидерле, А. К. Байбурина, Ю. С. Рябцевой, Б. А. Рыбакова, Г. В. Тавлай, В. Н. Топорова и др.

Глубокой и тщательной разработке подвергается праздничный календарь традиционного общества. Работу в этом направлении начинают представители русской мифологической школы (А. Н. Афанасьев, И. М. Снегирев, А. Ф. Вельтман, И. П. Сахаров и др.) и продолжают советские и российские

исследователи (А. К. Байбурин, М. М. Громыко, В. И. Еремина, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Г. А. Носова, С. А. Токарев и др.).

Отечественной и зарубежной наукой накоплена объемная база исследований праздничной культуры, опирающихся на принципы полоролевого подхода, основанного на биоидной асимметрии и иерархически выстроенной оппозиции гендерных ролей. При таком подходе праздник вынужденно рассматривается как форма закрепления гендерной полярности. В этом случае на передний план выдвигается нормативная функция праздничной культуры, обусловленная необходимостью обеспечивать и, следовательно, сохранять гендерный порядок, установленный андроархическим типом культуры и коррелирующий с общезначимыми нормами.

Рассмотрение ритуально-обрядового поведения в контексте праздника замыкается на гендерной стереотипизации, характерной для рассматриваемого периода. Притом, теоретически полно изучены стереотипные гендерные роли и этикетные нормы поведения исключительно патриархальной традиции: различные игрища, гуляния, вербальное (в частности комплиментарное) поле, праздничный фольклор и прочее.

Всестороннему и многоплановому анализу подвергаются обряды инициации как распространенные институтированные способы формирования и фиксации стереотипных норм межполового взаимодействия в традиционных культурах с их четким противопоставлением мужского и женского гендера.

В целом можно констатировать, что более пристальное внимание исследователи уделяют народным праздникам. Анализу подвергается игровой, песенный, танцевально-инструментальный репертуар.

Но при этом символическое наполнение праздника в преобладающем большинстве исследований носит дескриптивный характер с указанием на стереотипные нормы той или иной культуры; генезис же образно-символического ряда, на наш взгляд, в научных трудах разработан недостаточно объемно.

Вторую базовую группу источников составляют труды культурантропологической и философской направленности, которые способствовали выявлению генезиса архетипа феминности и его дальнейшего развития в древнеязыческих культурах и религиях. Эта группа источников представлена работами Д. Д. Фрэзера, У. Баджа, М. Э. Матье, М. А. Коростовцева, А. В. Меня, Ф. Ф. Зеленского, В. В. Латышева, Н. И. Новосадского, Л. Я. Штернберг и др.

Материнский архетип, его сущностная основа и функциональная значимость для культуры человечества и отчасти представленность его в праздничной культуре являлись объектом научных исследований нескольких поколений ученых, сфера научных интересов которых определялась вопросами генезиса и дальнейшего эволюционирования материнских культов (Дж. Фрэзер, Дж. Томсон, Ф. Ф. Зелинский, М. А. Коростовцева, Л. Я. Штернберг, В. В. Латышев, К. Кереньи, Е. А. Торчинов и др.). Так Дж. Фрэзер на основании внешних обрядовых сходств культовых практик указывал на сходные черты духовных основ египетских мифов об Осирисе и Исиде, греческих мифов о Деметре и Персефоне со средневековыми христианскими мотивами культа Девы Марии. Вслед за Дж. Фрэзером подобную идею проводят исследователи религии и мифологии У. Бадж, М. Матье и др.

Тщательному изучению подвергается ономастический материал, поскольку имя собственное в мифотворчестве выражает глубинную сущность того или иного образа и его функциональную окраску, не только по половому, но и по гендерному признаку (Б. А. Рыбаков, М. Семенова, М. М. Маковский, А. Голан, В. Н. Демин и др.).

Анализ указанной группы источников позволяет нам констатировать, что в большей степени известны и изучены феминные праздничные традиции античного и древневосточного мира, в то время как скудность, недостаточность, фрагментарность фактического материала для исследований древнеславянской мифологии, древнеславянской языческой культовой и

праздничной обрядности не позволяют исследователям в полной мере углубиться в интересующие их сферы древнеславянской культуры.

Анализ феминного архетипа в контексте христианской культуры обусловил необходимость обращения к евангелистским источникам, а также к апокрифической христианской литературе: Евангелие от Марии, Хожделение Богородицы по мукам и др.

Третья группа источников объединяет труды культурологической, этнологической и культурантропологической направленности, посвященные половозрастному символизму – как правило, стадии молодости – в традиционном обществе, рассматривающие традиционную культуру (в том числе ее праздничную, ритуально-обрядовую и фольклорно-игровую составляющие) с точки зрения гендерной стереотипизации, исторически укорененной в обществе. Эта группа источников представлена работами Л.А. Абрамян, Н. А. Миненко, В. В. Рабцевич, В. И. Ереминой, В.К. Соколовой, Э. В. Померанцевой, С. В. Максимовой, Ю. Семенова, Т.А. Бернштам, А. Л. Топоркова и др. Изучению феминных и маскулинных стереотипов, присущих традиционному обществу, посвящены исследования Н. Л. Пушкаревой, И. С. Кона, Я. В. Чеснова и др.

Четвертую группу источников составляют социологические исследования по гендерной проблематике, в частности гендерной стереотипизации, представленные работами Т. Б. Рябовой, Е. Здравомысловой, А. Темкиной, И. С. Кона, О. А. Ворониной, Т.А. Клименковой, М. М. Малышевой, К. Миллет, Э. Гросс, Р. Брайдотти и др. В процессе изучения этой группы источников нами было отмечено, что авторы, как правило, заостряют внимание на поло-ролевой асимметрии и практиках доминирования мужского гендера.

В рамках предпринятого исследования особое внимание уделялось трудам Ю. М. Лотмана, А. Голана, Я. В. Чеснова, М. М. Маковского, посвященным семиотическому осмыслению феноменов культуры.

В процессе анализа обширной научной базы гуманитарной мысли прослеживаются некоторые лакуны. В силу иных исследовательских задач при

изучении гендерной культуры традиционного общества проблема репрезентаций и историко-генетических оснований воплощения женского гендера в праздничной культуре не получила глубокого теоретического осмысления; недостаточно исследованы вопросы трансформации архетипа феминности в тексте праздника и динамики экспектаций женского гендера в праздничной культуре в условиях меняющихся социокультурных реалий. Также в научной литературе не уделено внимание анализу гендерной составляющей современной праздничной культуры и воплощенного в ней роста социокультурной значимости женского гендера в обществе.

Таким образом, проблемное поле исследования заключается в противоречиях между историко-генетической укорененностью женского начала в природе культуры (в том числе и в праздничной) и историческими трансформациями этого явления в конкретных социокультурных условиях, а также между объективным ростом социокультурной значимости женского гендера в обществе (и отражением его в праздничной культуре) и недостаточной изученностью противоречивых проявлений этого процесса в современной гуманитарной мысли.

Объектом диссертационного исследования выступает женский гендер в праздничной культуре.

Предметным полем исследования является культурно-генетические основания, социокультурные трансформации и формы воплощения женского гендера в праздничной культуре.

Цель исследования – выявление социокультурных механизмов представленности женского гендера в праздничной культуре общества.

Достижение поставленной цели требует решения ряда задач:

1. Осуществить теоретический анализ основных аспектов праздничной и гендерной культур в контексте культурологических исследований и выявить их определяющие функции в культуре общества.
2. Выявить культурно-генетические основания гендерных аспектов и собственно феминных традиций в праздничной культуре.

3. Изучить степень репрезентаций женских архетипов и образов и их значения в мифологических структурах, соответствующих архаическим традициям праздничной культуры.
4. Выявить и проследить динамику трансформаций представленности женского начала в праздничной культуре в контексте конкретно-исторических социокультурных условий.
5. Проанализировать формы воплощения женского начала в современной праздничной культуре в их соответствии с объективным ростом социокультурной значимости женского начала в современном обществе.

Методологическая основа исследования. Рассмотрение гендерной составляющей в контексте праздничной культуры обусловило возможность сочетания нескольких теоретических подходов.

Основаниями для изучения проблемы явились культурологический и культурно-функциональный подходы, позволяющие всесторонне изучить степень и механизмы репрезентации женского гендера как социокультурного феномена в тексте праздника и раскрыть функциональную ценность воплощения женского гендера в праздничной культуре для социальных и культурных процессов жизни общества.

Многоаспектный характер предмета исследования и неоднородность используемого теоретического и эмпирического материала предполагают обращение в работе к междисциплинарному подходу.

Выявление генезиса феномена женского гендера в празднике и анализ дальнейшего развития феминных традиций в праздничной культуре обуславливают необходимость историко-генетического подхода в исследовании.

Системный подход позволил представить гендерную и праздничную культуры как системы, в целостности и взаимосвязи их феноменов, а также выявить причины, закономерности и формы воплощения женского гендера в тексте праздника не только в конкретно-исторических условиях, но и в динамике их развития.

Историко-культурологический и ценностный подходы способствуют выявлению в конкретно-исторических условиях системы ценностно-нормативных ориентиров, распространяемых на культуру в целом и на гендерную культуру в частности, в соответствии с которыми определяется ценностно-нравственное осмысление архетипа феминности в культуре и формы и воплощения женского гендера в праздничной культуре.

При проведении исследования были использованы следующие методы: метод конкретно-исторического анализа изучаемых феноменов предполагает их теоретическое осмысление в определенный исторический период; метод сравнительного культурологического анализа позволил рассмотреть степень представленности женского гендера в праздничной культуре в векторе диахронного развития социокультурной реальности; метод теоретического моделирования дает возможность разработать собственные рабочие модели гендерной и праздничной культур. В исследовании культурно-генетических оснований и динамики форм воплощения женского гендера в праздничной культуре используется метод логической систематизации социокультурных явлений и их функциональный анализ. Метод контекстуального анализа позволяет выявить формы и механизмы экспектаций и репрезентаций женского гендера в праздничной культуре в контексте его исторических трансформаций в конкретных исторических условиях.

Научная новизна исследования.

1. На основании анализа основных аспектов праздничной и гендерной культур в контексте культурологического исследования сформулированы определения данных явлений, конкретизирующие их сущностные основы, функции, значения и смыслы для культурного и социального бытия общества.
2. Предложены теоретические модели праздничной и гендерной культуры, позволяющие: во-первых, проследить как в диахронном, так и в синхронном векторе развития основные аспекты феноменов праздника и праздничной культуры и, во-вторых, проанализировать основные социокультурные

процессы, коррелирующие с воплощениями гендера, функционирующие как в конкретно-исторических условиях, так и в диахронном развертывании. Установлено, что совокупное применение данных моделей дает методологические основания для изучения генезиса, динамики развития гендерных традиций в тексте праздника, а также для изучения различных форм и механизмов воплощения гендера в праздничной культуре.

3. Показаны культурно-генетические основания представленности женского гендера в празднике, коррелирующие с интенцией культуры к гармонизации бытия, что обеспечивает возможность снятия конфликта противоречий дуальности, неустраимых в реалиях повседневной жизни.
4. Выявлена и обоснована ценностная основа и функциональная значимость воплощения женского гендера в праздничной культуре для социальных и культурных процессов в жизни общества.
5. Установлено, что в силу объективных причин в праздничной культуре современного общества наблюдается дефицит образов, сюжетов и действий, которые бы в полной мере отвечали реальным культурным состояниям и процессам современности.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Праздничная культура детерминирована культурными ценностями, составляющими основу идеализированных представлений о наиболее значимых событиях и процессах действительности, и системой общественных норм, отражающих стандарты социальной действительности. Фундаментальная значимость праздничной культуры для общества раскрывается в ее основной функции удовлетворения особых потребностей проживания и переживания неких идеализированных общественным сознанием моментов бытия, что, по сути, является недостижимым в условиях повседневной жизни. Посредством праздника культура осуществляет одну из своих интенций к гармонизации.
2. Понимание гендерной культуры как институтированной ценностно-нормативной системы половой стратифицированности индивидов в

контексте определенных социокультурных реалий, опредмеченной в знаково-образно-технологическом инструментарии общества в процессах социализации и инкультурации и воплощенной в культурных практиках, позволяет выявить основные ее функции:

- обоснование гендерных ценностей и норм;
- репрезентация ценностей и норм в социокультурном пространстве;
- обеспечение освоения содержания и форм репрезентации полово-гендерных ролей;
- выработка и использование социокультурных механизмов регуляции, коллизий в сфере культурных гендерных практик.

3. Гендерная асимметрия фигурирует как один из основных факторов формирования культурной традиции, в которой маскулинное и феминное воспринимаются и описываются как постоянная оппозиция с характерными четкими сущностно-функциональными разграничениями полов, доводящимися в некоторых случаях до бескомпромиссного дуализма в рамках жесткой иерархической модели. Исторически неизбежно возникающий дисбаланс диспозиций мужское/женское естественным образом порождает стремление компенсировать или смягчить противоречивость этих оппозиций. Поскольку социокультурные реалии представляют для этого недостаточные возможности, культура находит выход в пространстве других явлений, связанных с образно-игровым началом, наиболее ярко и полно представленных в праздничной культуре.

4. Гендерная культура обусловлена как нормами повседневной реальности, так и сферой идеального. Сформировавшийся в коллективном сознании ценностно-нормативный аспект гендерной культуры опредмечивается в культурных текстах, символах, архетипах, мифологических образах. В мифологическом сознании осмысление гендерной дуальности представлено наиболее полно: от конфликтности до слиянности. Гендерные традиции, воплощенные в празднике, укоренены в области архетипического, что

обуславливает весь процесс развития гендерных традиций праздничной культуры.

5. В условиях андроархической реальности праздник мифологизирует гендер, высвобождает и актуализирует глубинные архаические импульсы, заглушаемые культурно-цивилизационными ограничениями и запретами. Праздник является возможностью преодоления сопровождающей человечество иерархичности гендерной дуальности. В условиях маскулинизированного мира праздник манифестирует женский гендер, публично демонстрируя и провозглашая его ценность и значимость.
6. В современной социокультурной реальности отчетливо выявилась тенденция “перехода” от вполне определенной, строго фиксированной дихотомии мужского и женского, составляющей базовую основу гендерной культуры, к некоторой неопределенности, размыванию четких границ. Но при этом в сфере праздничной культуры наблюдается интенция к устранению противоестественных в своей основе тенденций культуры.

Практическая и теоретическая значимость исследования определяются тем, что, во-первых, его материалы показывают реалии гендерных отношений как в повседневной, так, собственно, и в праздничной культурах; во-вторых, полученные результаты позволяют более точно диагностировать современное состояние гендерных отношений, в том числе и в праздничном воплощении; в-третьих, материалы исследования могут использоваться в подготовке специалистов, практически реализующих различные формы социально-культурной деятельности, связанные с гендерными аспектами. Кроме того, отдельные разделы текста были апробированы в ходе педагогической практики и могут быть использованы при разработке учебно-методических пособий для таких дисциплин, как «История культуры», «История праздничной культуры», «История искусств». А также при составлении культурно-досуговых программ, предполагающих освоение духовно-практического опыта праздничной культуры.

Апробация работы и применение основных положений диссертационного исследования на практике.

Материалы диссертации обсуждались в рамках заседаний Регионального института философских и культурологических исследований, также на заседаниях кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Основные положения диссертации были изложены в статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, отдельные положения работы были освещены в рамках международных научно-практических конференциях и в статьях, вошедших в сборники научных трудов.

Структура работы определяется поставленной целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы (256 источников).

Основное содержание работы.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируется предметное поле исследования, характеризуется степень разработанности проблемы, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования, обосновывается теоретико-методологическая база, определяется научная новизна, отмечается теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

В первой главе **«Гендерные аспекты праздничной культуры»** выявляются культурно-генетические основания укорененности женского гендера в праздничной культуре.

В первом параграфе **«Праздничная культура в контексте культурологического исследования»** раскрывается смысловой потенциал праздничной культуры, ее функциональные, онтологические и семантические характеристики. Анализ генезиса праздника дает возможность установить

степень архаичности гендерных традиций праздничной культуры: женских и мужских культов, церемоний, ритуалов и праздничной обрядности.

Анализ значительного корпуса теоретических исследований и объемной определительной базы феномена праздника, накопленных гуманитарными науками, позволяет сделать вывод, что достаточно часто встречающееся в исследовательской и научной литературе понятие “праздничная культура”, которое бы отражало сущность этого феномена, теоретически не разработано и подменяется понятием “праздник”.

В нашем понимании праздничная культура – это социокультурная сфера воплощения идеализированных представлений о наиболее существенно-значимых моментах (событиях, процессах) бытия через систему образно-символических действий; в силу этого праздничная культура любого общества обусловлена и структурирована системой культурных ценностей, доминирующим темпо-ритмом, типом уклада социокультурной структуры общества и стимулируется потребностями в реальном про-(пере-)живании идеализированных представлений, недостаточном в наличном бытии. Данное определение закрепляет за феноменом праздничной культуры основную, ведущую его функцию: удовлетворение потребностей проживания/переживания неких идеализированных общественным сознанием моментов бытия, что, по сути, является недостижимым в условиях повседневных реалий.

Праздничная культура детерминирована двумя важнейшими аспектами бытия. Во-первых, культурными ценностями как основой социокультурного опыта относительно наиболее значимых процессов и событий действительности, осмысленных в идеализированных категориях в конкретно-исторических условиях повседневности. И, во-вторых, общественными нормами как особой категорией, отражающей стандарты социальной жизни, релевантных определенным культурно-историческим условиям.

Ценности и нормы, признаваемые и разделяемые теми или иными группами – этническими, конфессиональными, социальными стратами, семьей

и пр., – формируют и активизируют в сознании этих групп потребность в периодическом воспроизведении (переживании и проживании) идеализированных представлений об особо значимых моментах жизни, порождая саму праздничную ситуацию и составляя событийную основу праздника. Важные и значимые процессы, явления и события, занимающие определенную позицию в аксиологической шкале общества, находят воплощение в различных категориях празднеств: традиционных праздниках или ситуативных праздничных событиях (которые, если наделены достаточно значимым для общественного сознания ценностным потенциалом, способны трансформироваться в традиционные празднества).

Смысловая основа праздничного действия требует определенных, как правило, не характерных для повседневной жизни, образно-выразительных средств и форм воплощения: системы знаков, образов, символов и пр., совокупность которых в игровой, метафоричной, правилосообразной и упорядоченной форме (с возможно высокой степенью ритуализации) раскрывает суть и подчеркивает значимость того или иного события/явления/процесса, освещенного праздничным действием. Так ценностно-нормативные аспекты культуры общества, воплощаясь в празднике, определяют и “оправдывают” хронотоп праздника в общей структуре бытия общества и его культуры.

Праздник воплощает хронотоп свободы, который равнозначен праздничному мироощущению как переживанию условного обретения временного идеала, гармонизирующего человеческое бытие, что выражается в стремлении к обретению целостности и уравниваемости структурных элементов любого явления социокультурной реальности.

Праздничная культура порождает условия для форм поведения, отличных от повседневных, и (в зависимости от событийной основы праздника) способна элиминировать из праздничного пространства влияние официальной системы запретов и иерархических установок, что представляет собой уникальную возможность снятия конфликтности, неизбежно накапливающейся в социуме,

которому свойственна любого рода иерархичность отношений – гендерная, социальная, политическая, - и которая в условиях повседневной жизни не находит разрядки. Так, на гендерном уровне праздник способен изменить сложившиеся стереотипные нормы взаимодействия полов, привести к гармоничному единству противоположные начала – мужское и женское, находящиеся в неразрывном взаимодействии и, в тоже время, разделенные иерархическими и, следовательно, оценочными доминантами.

Праздник в своем генезисе обнаруживает тесную взаимосвязь и взаимозависимость с мифологическими представлениями, при которых само праздничное действо посредством обряда и ритуала выступает своеобразной “инсценировкой” мифа; миф, в свою очередь, является сакральным обоснованием обрядовой, ритуальной практики. На основе анализа мифологической системы и свойственных ей культовых практик уже на ранних стадиях эволюции праздничной культуры отражены маскулинные и феминные способы (типы) существования гендерной картины реальности: гендерный символизм и гендерная стратификация. Дифференциация праздника по принципу пола возникает уже на первых стадиях его появления и является формой репрезентации маскулинности и феминности в культуре.

Во втором параграфе **«Дуализм мужского и женского в гендерной культуре и стихия праздника»** с точки зрения культурологического осмысления рассматриваются гендерная культура и основные ее компоненты: гендерный дуализм, гендерная стереотипизация и воплощение их в праздничной культуре.

Гендерная культура обусловлена культурными универсалиями, воплощающими фундаментальные онтологические, культурантропологические основы бытия: род как органичная и гармоничная взаимосвязь мужского и женского начал, семья и сообщество. Идея двуединства рода, понимаемого как органически-архетипическое, как двуединство мужского и женского, является для гендерной культуры базовой (в концепции рода символически выражено единство двух начал человеческой природы).

Половой диморфизм как естественная биологическая составляющая и объективные психофизиологические условия различий феминного и маскулинного изначально предполагает наличие в гендерной культуре дихотомии мужского и женского начал. Функционируя и развиваясь в конкретно-исторических условиях, дихотомия по принципу “мужское/женское” опосредуется в бинарных категориях. Многие не связанные с полом феномены и понятия через существующий культурно-символический ряд отождествляются с “мужским” или “женским”, создавая на уровне понятий и явлений (то есть внутри внеполовых пар) определенное соподчинение, придающее им гендерную окраску.

В рамках определенной исторической эпохи формируется ценностно-нормативная система гендерной культуры, обуславливающая появление в общественном сознании “оценочных матриц”, кодифицированных морально-нравственными установками общества. Формируется ряд представлений, что есть “мужское” и что есть “женское”, утверждаемых во всех сферах бытия социума, а также предписание гендерных ролей как набора общепризнанных образцов и правил поведения, которые основываются на традиционных ожиданиях в соответствии с утвердившимися представлениями о маскулинности и феминности. При этом ценностно-нормативные установки, задающие представление о мужском и женском, являются асимметричными. Сформированный и закрепленный в коллективном сознании ценностно-нормативный корпус гендерной культуры опредмечивается в культурных текстах, символах, архетипах, мифологических образах и т.д.

Освоение ценностно-нормативного содержания происходит посредством процессов социализации и инкультурации на следующих уровнях: когнитивно-ориентационном, религиозно-догматическом, в системе воспитания, в традициях и пр.; осуществляется через систему различных институтов и субститутов, как то: система государственной власти, правовая система, церковь, семья, СМИ и пр.; и воплощается в культурных практиках, например, в профессиональной деятельности, образовании, в коммуникативной практике

(этикет, поведение, язык и т.д.), а также в праздничной и ритуально-обрядовой сферах.

Отсюда следует, что гендерная культура – институтированная ценностно-нормативная система половой стратифицированности индивидов в контексте определенных социокультурных реалий, опредмеченная в знаково-образно-технологическом инструментарии общества в процессах социализации и инкультурации и воплощенная в культурных практиках.

С нашей точки зрения, весь процесс исторического развития человечества можно рассматривать как поступательный (с различной степенью интенсивности) рост андроархического, мужевластвующего, патриархального начала, при котором гендерный дисбаланс становится основой исторической и культурной действительности с ее выстроенной иерархической вертикалью, на основе которой возникают социальные институты и выстраиваются межличностные и межгрупповые отношения.

При этом гендерная стереотипизация является особым способом восприятия действительности и выражается в проекции субъективных чувств и ценностных приоритетов на социокультурные реалии, акцентируя групповые различия между мужским и женским гендером, что приводит к дискриминации и, следовательно, к маргинализации “иной” гендерной группы. Соответственно, гендерная стереотипизация есть постоянная оценка, фиксация “чужого” в категориях антитетического порядка, заключающая в себе потенциальную иерархизацию, основанную на дифференцирующем принципе маскулинного / феминного. Такая стереотипизация, закрепленная на уровне традиций и обычаев, неизбежно категоризирует и мотивирует мировоззренческую позицию социума, прочно закрепляясь в мифологии, религии, находит публичное выражение в художественных формах и в празднике. Однако анализ социальной и культурной динамики, а также мифологической системы и первоначальных мифологических образов позволяет нам высказать предположение о существовании в культуре интенции к обретению

“равновесия”, своеобразного гомеостазиса, в наибольшей степени проявляющегося, как правило, вне сферы повседневного.

В то же время социальное сознание в определенной степени стимулируется импульсами и побуждениями из сферы архетипического. Бесконечное повторение и проецирование архетипических гендерно-половых импульсов, имеющих бинарный и дуальный характер, в наиболее “сконцентрированной” (порой в провокационно обостренной для повседневности) форме представлено в том особом хронотопе свободы, которым наделен праздник. “Мужское” и “женское” в праздничной культуре с позиций гендерного подхода может рассматриваться как процесс взаимодействия двух архетипов, закрепленных в сознании социума. В этом ракурсе исследования праздник является редкой возможностью снятия конфликта неустранимого противоречия дуальности; мифологизирует гендер, высвобождая глубинные архетипические импульсы, заглушаемые культурно-цивилизационным “механизмом” ограничений и запретов, порожденных оппозиционными дуальными установками; является механизмом преодоления сопровождающей человечество иерархичности гендерной дуальности, вплоть до категорического ее изменения.

В этих трех позициях кроются важнейшие, по-нашему мнению, функции феномена праздника, рассматриваемого в контексте гендерной культуры: во-первых, высвобождение “онтологически-аксиологического потенциала” сугубо женского, феминного (как одно из неперенных условий существования культуры), которое в культуре повседневности маргинализировано, а потому – подавляемо; и, во-вторых, “связывание”, уравнивание в оценочном смысле антагонистичных и антиномичных понятий “мужское” и “женское”.

В третьем параграфе «Архаические традиции воплощения женского гендера в праздничной культуре» предпринимается попытка гендерной интерпретации архаических культов и праздничного ритуально-обрядового комплекса языческих празднеств путем реконструкции архетипических установок сознания.

Архетипические установки сознания и поведенческие модели в совокупности стали основой архаических культурных гендерных кодов, воплотились и закрепились в праздничной культуре, явившись (в несколько трансформированных вариантах) игровой, вербальной, образно-символической основой народных празднеств исторически более позднего времени. На данном этапе исследования нам представляется необходимым обратиться к архетипу матери как одному из универсальных культурных архетипов, являющему собой образец вселенской вечности, преодолевающей границы времени.

В древних восточных культурах, в античном мире, в славянском язычестве с культом феминности связывался поиск сакрального смысла бытия, связанного в человеческом сознании с торжеством гармонии и миропорядка, с присущим человеческой природе стремлением наделять окружающий мир высшей устроительной силой, которая покровительствует человеку. При этом праздник превращается в особый механизм не просто регуляции, а именно гармонизации процессов взаимодействия человека с окружающей действительностью, с самим собой и своей группой.

Феминные традиции представлены в различных культах, апологизирующих женское начало. В этом случае образность, метафоричность и символизм праздничной культуры с ее ритуальными и обрядовыми практиками имеют явное преимущество перед текстами мифов и сказаний. Становится очевидным, что за мифом и его воплощением в празднике стоит более глубинная суть, чем только лишь зеркальное отражение социоисторической реальности, а именно – некие “приглушенные” прообразы.

В космогонических представлениях всех культур присутствует особое время – “дни творения”, обосновывающие обширный комплекс праздничной культуры. В самой мифологической концепции происхождения мира с его законами и рациональным устройством из Хаоса очевидна тождественность Хаоса сущностно женскому началу как “докультурному”, “доконструктивному”, архетипически-органическому. Синонимична Хаосу водная стихия, понимаемая как женская стихия. Символика воды, равно как и

бездны (пучины, пропасти, пещеры), олицетворяет женское начало: Намму в шумерской, Тиамат в аккадской, Дану в ведической мифологиях – воплощения первобытных вод, первичной стихии. В этой связи чаша и сосуд, присутствующие во многих мистериальных празднествах, должны пониматься как эвфемизм бездны, то есть феминный символ.

Феминность наделена интенцией к эвфеминизации смерти и времени. Смерть трансформируется в путь к возрождению, что подтверждают тайные мистерии в честь египетской Нейт, греческий Керы и Деметры, которые одновременно являют собой конец жизненного пути и его начало. Негативные и позитивные процессы замыкаются в цикл. “Дни творения” требуют постоянного воспроизведения для поддержания и восполнения творящей энергии. И это воспроизведение цикла и “дней творения” закрепились в праздничной культуре. Феминные культы становятся воплощением необузданной энергии жизни: созидания/творения и разрушения, но во имя созидания/рождения новой жизни. В этом смысле феминность замыкает на себе основы бытия, хранит в себе тайны жизни и смерти в их нерасчлененном единстве. Полагаем, потому так велика роль жертвы в ритуалах празднования “первого дня” и алтаря как семиотической конструкции центра, оси мира, материнской пуповины. В ранних празднествах плодородия кульминационным этапом ритуальных действий становятся кровавые жертвоприношения (к примеру, в культах Кибелы, Артемиды, Кали, в вакхических празднествах, в древнеславянских праздниках земледельческого цикла: тех же праздниках похорон Ярилы, Костромы, Купалы и женских магических ритуалах охранительной магии), понимаемые как закон бытия. Значение окропления кровью в этой связи может иметь перинатальную символику.

В акте эманации – творения мира – снижена значимость маскулинного начала, доходящая в некоторых случаях до полной элиминации. Так феминные культы закрепляют гендерную дифференциацию жреческо-шаманского института в его женской доминанте.

Интенция мироустройства к уравновешенности полярных категорий, к балансу противоположностей экстраполируется и на раздробленный гендерными стратами социум. Идея совершенной, гармонически выстроенной структуры бытия, объединяющей дуальности, осмысливается и воплощается в мифопоэтическом сознании в персонификациях андрогина как вместилища женских и мужских противоположностей, снимающих иерархическую дифференциацию мужского и женского начал, что объясняется многообразием символической образно-игровой инверсии пола, которая получает продолжение и дальнейшее развитие в праздничной культуре и обретает со временем комический характер. Таковы многие народные празднества с их традицией ряженья, высмеивания, глума и/или эсхрологии – прямого сквернословия, закреплённого ритуальной семантикой. Частично такова глубинная природа маски как неперемённого атрибута некоторых празднеств.

Феминность, представ своеобразным синкретическим символом культуры человечества, явила себя в разных аспектах и “вариациях” праздничной культуры исторически более позднего времени.

Во второй главе **«Динамика воплощения женского гендера в праздничной культуре»** выявляются процессы трансформаций форм и механизмов воплощения женского начала в тексте праздника в традиционном и индустриальном/постиндустриальном типе культур.

В первом параграфе **«Воплощения женского гендера в тексте праздника в условиях меняющейся социокультурной действительности»** предпринят анализ двух парадигм отечественной духовной культуры – язычества и христианства, – что позволяет установить корреляцию женского гендера с аксиологической шкалой духовной культуры и фиксировать динамику экспектаций женского гендера в тексте праздника.

В ходе исследования праздничных традиций наблюдается синтез исторически различных пластов ритуально-обрядового комплекса: явления, сохранившиеся как “рудиментарные” формы языческих празднеств, зафиксированные в драматизированных игровых формах праздничной

культуры, в ритуально-обрядовом, смысловом, вербальном, образно-символическом наполнении праздника, и относительно новые явления, свойственные тенденциям христианской культуры. Воплощение тех и других в тексте праздника, носящее нередко синкретический характер, демонстрирует их онтологическую укорененность и ценностную значимость для культуры.

Характерные для языческих верований представления о необходимой причастности женского/феминного начала ко всем актам и процессам творения и мироустройства через сакрализацию женских образов и архетипов претерпевают качественные изменения в процессе становления и укрепления христианства, являющегося по своей сути глубоко патриархатным, андроцентристским феноменом культуры. В процессе анализа христианского вероучения как духовного “ядра” культуры в понятиях гендерной теории, то есть в понятиях социокультурной асимметрии, мы сталкиваемся с противоречивыми интенциями.

Христианский догмат, составляющий основу библейской антропологии, провозглашает не зависящую от пола и гендерной страты ценность человеческой личности, обусловленную сотворенностью человека по образу и подобию божьему. В самом тексте описания творения женщины не находится оснований для полярного противопоставления мужского женскому, свойственного традиционному мышлению. Однако ценностная равнозначность маскулинного и феминного в христианстве уже не означает их функциональной равнозначности, и диалогичность мужского и женского гендера в христианской философии обретает свое уникально-специфическое звучание. Воссоздать эту целостную гармоничность в догматической трактовке христианства призвано таинство брака, что демонстрирует в высшей степени ритуализированный комплекс свадебных обрядов христианской традиции. Однако, духовные идеалы бытия подвергаются существенной трансформации в конкретно-исторической реальности, демонстрируя иные условия организации межполовых взаимоотношений, закрепляя практику так называемого “бытового домостроя”.

В то же время символические интерпретации идеализированно осмысленного союза мужского и женского начал явственно читаются в игровых и фольклорных формах народной праздничной традиции. Так, генетически близок свадебной традиции по эстетическому, социально-психологическому и морально-нормативному содержанию праздничный репертуар выюнин и красных горок, непосредственно демонстрирующий морально-ценностные установки общества, являясь непосредственной формой передачи и утверждения нравственных и эстетических ценностей традиционной культуры. Также обращает на себя внимание игровая молодежная практика так называемого „парования” – выбора пар на время праздника, дополненного элементами ритуально-символического игрового сватовства и шуточно-пародийного свадебного обряда, – носящая черты игрового гротеска, восходящая к комплексу феминных и маскулинных архетипов, персонифицированных в народной праздничной традиции в образах „жениха” и „невесты”.

Праздничная практика в свойственной ей инверсивной и метафоричной форме (через инверсию действий, образов, эстетических принципов, посредством акцента на материально-телесном низе и феномена праздничного смеха) манифестирует ценностно-смысловую основу единства мужского и женского начал и создает прецедент, следование которому способствует реализации потребности социума в гармонизации бытия.

Однако, как правило, обоснованием формированию этических норм гендерной культуры и легитимации гендерных ролей явились тексты, указывающие на асимметричность и антитетичность мужского и женского начал, или толкования нейтральных текстов с позиций гендерной иерархии, присущей социокультурному устройству общества.

Особенности восприятия христианской/православной культурой феминности, транслированные из языческого мифа как склонность к трансгрессии, закрепили в коллективном сознании двойственное отношение к ней. С одной стороны, предубежденность относительно природы женского

начала вообще; с другой стороны, культура сохранила в арсенале женщины весь тот комплекс магических ритуально-обрядовых манипуляций, который “остался в наследство” от языческой культовой обрядности, существующий в своеобразном общественном “подсознании” и актуализирующийся в празднике. Именно эта архетипическая склонность к трансгрессии объясняет факт непосредственного участия женщин (девушек) и первостепенную значимость именно женского начала в праздниках “перехода”, отводивших женщинам ведущую роль действенно-кинетического и вербально-семантического характера, и в календарной праздничной обрядности, в которой мотивы “перехода”, непосредственно обусловленные магической причастностью женского начала, воплощены тем ярче, чем отчетливей прослеживается в ней отзвук архаических элементов.

Однако, несмотря на то, что позитивная значимость феминности снижена в космогоническом и теогоническом пространстве, в осмыслении образа православной Богородицы, как персонификации материнской ипостаси феминного архетипа, почти снимается оппозиционное противоречие между божественным (в значении “идеальным”) и земным, материальным. Этот аспект оценки женского начала в православии объясняет факт существования в русской традиции, казалось бы, парадоксального по содержанию культа феминности, характеризующегося в народном коллективном сознании синкретизмом и синонимичной соотнесенностью с различными женскими архетипами: Богородицы православной культурной традиции и архаических берегинь, дев-богинь и Макоши.

Так праздничная культура адаптирует относительно женского гендера чрезмерно “маскулинизированную” реальность посредством символической демонстрации ценностной значимости феминного начала, создает возможности легитимации культуры “другого” и диалога мужского и женского гендера, что невозможно в условиях андроцентризма повседневности.

Во втором параграфе «Культурно-историческое преобразование гендерного аспекта праздничной культуры в контексте современной

социокультурной реальности» рассматривается трансформация образа феминности в условиях современности и формы его представленности в праздничной культуре.

Первыми значительными действиями реформации, направленной на изменение статуса женщины в социальной и культурной сфере, явились декреты 1917-1918 гг. и первая советская Конституция, закрепившие за женским гендером всю полноту гражданских и политических прав и свобод, которыми обладал мужской гендер. Характерная для традиционного типа культуры патриархатная, андроцентристская и андроархическая ценностно-нормативная система с ее жестким регулированием поло-ролевого поведения постепенно уступает место эгалитарной позиции в функционально-значимом и оценочном понимании гендера, что явилось причиной “ломки” традиционных, архетипических по своей сути стереотипов. Подобного рода изменения формируются уже на стадии культурных универсалий, фундирующих гендерную культуру социума. Так, семья как основополагающий феномен гендерной культуры подвергается качественным изменениям, основанным на переоценке ценностной, нормативной ее составляющих – материнства и отцовства. Реформистское вторжение, заложенное в революционных идеях деконструкции самой модели мира, распространено и на пространство дома, разрушая сферу приватного, органично выстроенного пространства. Одновременно женское выводится из этой сферы приватного (домашнего и семейного) в сферу априори чуждого для него публичного.

Неизбежно существенным преобразованиям подвергается праздничная культура. Параллельно с трансформацией жанровой составляющей праздника меняется его гендерный аспект. Оценка женского начала, понимание его места и роли в жизни общества находят логическое продолжение в системе художественных образов праздничной культуры, воплощающих представления об “идеальной” феминности. Сам сценарный ход, образно-символическое содержание праздника, а также репрезентируемые в тексте праздника

феминные образы (ударницы труда, передовика производства и т.д.) призваны демонстрировать новый статус свободной и равноправной феминности.

Отступление от либеральных семейно-брачных норматив, характерное для 30-40-х годов XX века, и частичное обращение к традиционным патриархальным ценностным приоритетам в вопросах семьи и рождения детей как определяющей ее функции, воскрешает в культурной памяти социума архетип феминности в материнской его ипостаси, персонифицированный в новых социокультурных условиях в образе матери-героини. В праздничной культуре этот феномен находит воплощение в торжественных чествованиях, посвященных женщинам, имеющим трех и более детей.

Характерное для второй половины XX века утверждение абсолютизации маскулинности во всех социокультурных сферах, включая те, которые на протяжении истории генетически понимались как феминные, привели к нарушению иерархии социальной значимости, к новым стереотипам понимания феминности и маскулинности. Идеализированная в рамках ценностных приоритетов своего времени “новая феминность” частично находит воплощение в праздничной культуре, а именно в праздничных традициях локального уровня: праздничных мероприятиях, связанных с профессиональной деятельностью женского гендера, представленных в различных жанрах: профессиональных конкурсах, чествованиях, награждениях, торжественных приемах и пр., магистральной целью которых является признание профессиональных успехов женщины, ее полной самореализации в публичной сфере или ее потенциала как активной социальной единицы. Схож по целям корпус детских праздников, опосредованно или непосредственно (через демонстрацию социально одобренных образцов поведения, норм и систему стереотипов, характерных для образно-символического строя праздника, сценарного хода) популяризирующий в сознании детской аудитории новый идеализированный образ феминности.

В современной социокультурной реальности отчетливо выявилась тенденция “перехода” от строго фиксированной дихотомии мужского и

женского, составляющей базовую основу гендерной культуры, к некоторой неопределенности, размыванию четких границ. Подобные явления культуры, обретая характер публичности и легитимности, требуют экспектаций и демонстраций на различных уровнях культурных практик, в том числе в сфере праздника, фиксирующего особо важные для определенной группы явления их жизни, значимость которых требует публичного выражения.

Но при этом в той же сфере праздничной культуры наблюдается интенция к устранению противоестественных в своей основе тенденций: например, Международный (и Всемирный) день мужчин и День защитника Отечества манифестируют и актуализируют в общественном сознании базовые для общества и культуры ценностные доминанты маскулинности; Международный день семьи, цель которого – в привлечении внимания общественности к проблемам семьи как носителя и транслятора культурных ценностей; Международный женский день, утративший в массовом сознании политическое звучание, представлен в праздничной культуре как праздник женственности и красоты. Традиционная ценностная значимость для культуры социума мужского и женского начал воплощена в возрожденной традиции празднования Дня памяти святых Петра и Февронии, отмечаемого как День семьи, верности и брака. Характерно в этом смысле понимание брачно-семейных уз как формы культурного андрогината, что в полной мере раскрывается в свадебной праздничной традиции и фиксируется в различных сферах социокультурных практик: в сфере духовной, социальной, юридической и пр.

В тоже время ускоренные темпы трансформаций социокультурной действительности, в целом характерные для постиндустриального типа общества, определили условия, в которых праздничная культура (в силу ее “традиционности”, свойственного ей ретроспективного характера) лишена возможности естественным образом генерировать образы, сюжеты, действия, которые бы в полной мере отвечали культурному запросу современности и соответствовали процессам, имеющим место в реальности. Но в условиях

современной действительности праздничная культура в характерной для нее игровой, образной, символической форме фиксирует и закрепляет в коллективном сознании социума фундаментальные, архетипические и одинаково значимые для бытия человека и общества универсальные ценностные установки.

В заключении подводятся основные итоги исследования, которые в качестве основных положений выносятся на защиту, и намечаются перспективы дальнейших научных поисков в рамках избранной темы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи в научных изданиях, включенных в реестр ВАК РФ:

1. Лысова, Н. А. Амбивалентность интерпретаций гендерных традиций праздника как текста культуры [Текст] / Н. А. Лысова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2012, № 1 (15). Ч. 1. – С. 123-126;

2. Лысова, Н. А. Гендерные аспекты праздничной культуры [Текст] / Н. А. Лысова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011, № 4 (28). – С. 80-82.

Статьи в сборниках научных трудов, сообщения и материалы научно-практических конференций:

3. Лысова, Н. А. Анализ традиций воплощения женского гендера в праздничной культуре как отражение архаических религиозно-мифологических представлений [Текст] / Н. А. Лысова // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы: материалы международной научно-практической конференции 20-21 сентября 2011 г. – Пенза – Москва – Минск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 29-34;

4. Лысова, Н. А. Феномен двоеверия: интерпретации феминности в контексте праздничной культуры [Текст] / Н. А. Лысова // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: материалы международной научно-практической конференции 25-26 ноября 2011 г. – Пенза – Белосток – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 206-212;
5. Лысова, Н. А. Интегративная функция гендерных традиций праздника как феномена культуры [Текст] / Н. А. Лысова // Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы международного научно-творческого форума. Челябинск, 2-3 ноября 2011 г. Ч 1. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2011. – С. 128-130;
6. Лысова, Н. А. Архаические мифологические образы как детерминанта гендерных традиций праздничной культуры [Текст] / Н. А. Лысова // Мир культуры: сб. материалов и науч. статей международной научно-практической конференции аспирантов, студентов и молодых ученых 8 июня 2011г. / гл. ред. И. В. Безгинова. – Челябинск: ЮУрГИИ, 2011. – С.73-77;
7. Лысова, Н. А. Феминное и маскулинное в социокультурной традиции праздничной культуры [Текст] / Н. А. Лысова // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры»: материалы международной научной конференции 25-26 февраля 2011 г.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред. проф. Н. Г. Апухтина. – Челябинск, 2011. – Ч. 2. – С. 256-260;
8. Лысова, Н. А. Проблемы гендерной дуальности в контексте праздничной культуры [Текст] / Н. А. Лысова // Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы международного научно-творческого форума. Челябинск, 2-3 ноября 2010 г. Ч 1. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2010. – С.133-137;
9. Лысова, Н. А. Проблемы социокультурной адаптации молодежи: гендерный аспект [Текст] / Н. А. Лысова // Молодежь в социальном взаимодействии: самореализация, социальная активность, интеграция: материалы

международной научно-практической конференции 1-2 декабря 2009 г. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 233-236;

10. Лысова, Н. А. Гендерные аспекты праздничной культуры в контексте профессионального художественного образования [Текст] / Н. А. Лысова // Художественная культура в профессиональном образовании: стратегии развития и организации: сб. материалов регион. научно-практической конференции 16-17 ноября 2009 г. / отв. ред. И. Н. Морозова; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – С. 197-201;

11. Лысова, Н. А. Гендерные традиции в современных художественно-зрелищных и досуговых формах культуры [Текст] / Н. А. Лысова // Вторые Лазаревские чтения: сб. материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 21 – 23 февраля 2003 г. / Отв. ред И. А. Голованов. – Челябинск: Издательство ЧГАКИ, 2003. – С. 273-275.

Лысова Наталья Александровна

**ЖЕНЩИНА В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ:
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ**

24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Формат 60x84 1/16

Объем 1,9 п.л.

Заказ №1257

Тираж 100 экз.

Челябинская государственная академия культуры и искусств
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

Отпечатано в типографии ЧГАКИ. Ризограф